

ИЗ ИСТОРИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОСЕТИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Е. И. Кобахидзе

Э. Ш. Гутиева

Бурные процессы капитализации всех сторон общественной жизни Северного Кавказа, возникшие в ходе проведения здесь буржуазных реформ, ставили новые задачи перед региональной системой народного просвещения. Установки правительства и высшего кавказского руководства определили общие контуры и направленность развития в регионе образовательного процесса, ориентированного прежде всего на профессиональную подготовку специалистов, способных эффективно работать в разных отраслях бурно развивающейся промышленности и торговли. Окончание Кавказской войны и переход к стратегии «гражданского» развития края создали предпосылки для формирования здесь системы народного просвещения, предназначенной для широких слоев местного населения. Одно из ведущих мест в ней заняли учреждения низшей и средней образовательных ступеней, в которых общеобразовательная составляющая дополнялась профессиональным, главным образом ремесленным, обучением. Первые подобные учебные заведения возникли в Осетии. Их эволюция шла в русле образовательных реформ, проводившихся Министерством народного просвещения в 60-х и особенно в 70-х гг. XIX в. С другой стороны, в деятельности этих учебных заведений активное участие принимали общественные институты и отдельные лица, оказывающие финансовую и техническую поддержку как самим заведениям, так и отдельным их ученикам. Благодаря общественной и частной инициативе открывались и новые учебные заведения, дополняющие казенные образовательные учреждения, в которых велась профессиональная подготовка. Реальное и ремесленное училища во Владикавказе, дополненные ремесленными курсами и специальными отделениями при низших училищах, представляли низшую и среднюю ступени региональной системы народного просвещения. Однако, несмотря на востребованность подобных учебных заведений, они не могли в полной мере удовлетворить все возрастающие образовательные запросы населения Осетии. В этих обстоятельствах общественная поддержка отчасти помогала разрешать противоречия между возможностями региональной системы народного просвещения и образовательными потребностями местного населения. Процессы становления профессионального образования в пореформенной Осетии и роль в них общественной инициативы и составляет предмет анализа в предлагаемой статье.

Ключевые слова: пореформенная Осетия, профессиональное образование, горская школа, реальное и ремесленное училища, ремесленные курсы, образовательные реформы, общественная инициатива.

The speedy processes of capitalization of all aspects of the North Caucasus public life arising in the course of bourgeois reforms put new challenges for the regional system of public education. The ideas of the government and the highest Caucasian administration determined the general contours and directions of the development of the educational process, oriented first of all at professional training of specialists able to work effectively in the different branches of rapidly developing industry and trade. The end of the Caucasian war and the transition to a strategy of «civil» development of the region created a background for forming here the system of public education assigned for different strata of the indigenous population. One of the leading positions in it were occupied by institutions of the lower and middle educational levels, where the general educational component was supplemented by professional, mainly vocational training. The first such educational institutions appeared in Ossetia. Their evolution was in line with educational reforms carried out by the Ministry of Public Education

in 1860s and especially 1870s. On the other hand, public organizations and individuals took active part in the activities of these schools, providing financial and technical support both to the institutions and their students. Due to public and private initiatives new schools were also opened adding the state educational institutions providing vocational training. The vocational schools in Vladikavkaz, which were complemented by vocational courses and special departments at the lower schools, were the lower and middle levels of the regional educational system. But, in spite of necessity of such schools, they could not fully satisfy the growing educational demands of the population of Ossetia. In these circumstances the public support partly helped resolving the contradictions between an ability of the regional educational system and educational demands of the local population. The subject of analysis in the proposed article is exactly the processes of formation of vocational education in post-reform Ossetia and the role of public initiative in them.

Keywords: *post-reform Ossetia, vocational education, Mountain school, vocational schools, vocational courses, educational reforms, public initiative.*

История российского образования сегодня заслуживает самого пристального внимания. Этого требуют как интересы общества, так и задачи полноценного развития государства. На этом пути не лишним будет обратиться к собственному, во многих отношениях уникальному опыту, накопленному в ходе длительного и зачастую противоречивого взаимодействия государства с его институтами и общества, предлагающего свои инициативы, — не только для того, чтобы научиться избегать прошлых ошибок, но и для того, чтобы оценить и адекватно использовать его конструктивные возможности. Яркий и в обществоведческом плане показательный пример подобного взаимодействия дает сфера образования, где государство и общество выступали как взаимодополняющие системы: государство определяло общие ориентиры и ход преобразований, однако их реализация нередко становилась возможной благодаря общественной и частной инициативе. С особой интенсивностью эти процессы протекали в пореформенные десятилетия, отмеченные глубокой трансформацией социально-экономических основ российской государственности, затронувшей и периферийные области империи. Не исключением стал и Северо-Кавказский регион.

Проведение здесь буржуазных реформ, хотя и со значительным отставанием по сравнению с остальными

регионами империи, открыло путь для развития новых форм хозяйствования и жизнеустройства. Распространение в крае государственных порядков в политической и хозяйственно-экономической сфере неизбежно вовлекало местные народы в общероссийские процессы, ускорило разложение традиционных основ их хозяйства и быта, заставляя людей как можно быстрее интегрироваться в новую систему социальных связей и отношений.

Одним из механизмов, обеспечивающих относительно безболезненную адаптацию народов Северного Кавказа к изменившимся реалиям, стало образование. С другой же стороны, и само государство поддерживало необходимость народного образования, которое в российских исторических реалиях предназначалось не столько для «просвещения народа», сколько для трансляции идеологии государственности, формулируемой на основе идеи единства — политико-административного, экономического и в определенной мере социокультурного. Разработка и проведение образовательных реформ второй половины XIX в. создавали условия для подготовки кадров для нужд быстро развивающегося хозяйства и местного управления. На Северном Кавказе эти процессы отличались своей спецификой.

Прежде всего региональная специфика проявила себя в формах и способах создания низовых уровней образователь-

ной системы для широких слоев горского населения. Кавказский наместник великий князь Михаил Николаевич отводил образованию роль «самой важной и самой радикальной» меры, принимаемой «в целях прочного нравственного скрепления горских народностей с Россией» [1, 98]. Наместник был убежден в силе «духовного воспитания» горцев, которое одно могло повернуть их на путь «гражданственности», что составляло особый долг и «ближайший интерес» правительства. По мнению наместника, главная задача в этой сфере состояла в возможно более широких действиях по распространению начального народного образования для основной массы населения. Однако количество начальных учебных заведений в Кавказском наместничестве было явно недостаточным для достижения сформулированных наместником задач. Даже созданная в 1860-х гг. усилиями Общества восстановления православного христианства на Кавказе сеть начальных приходских школ не могла охватить все горское население, подавляющая часть которого пребывала вне формирующегося образовательного пространства. Кроме того, имеющимися учебными заведениями начального уровня ведали разные инстанции. Так, сельские школы в Ставропольской губернии находились в ведении Министерства государственных имуществ, в Кубанской области для казачьего населения открывались станичные школы, подведомственные местному войсковому начальству. В Закавказье начальное образование для низших слоев осуществлялось в церковно-приходских школах православного, армяно-григорианского и мусульманского духовенства; эти школы имели исключительно конфессиональный характер и не были поднадзорны учебному ведомству. Вдобавок, начальные школы Кавказского наместничества не только не удовлетворяли реальным потребностям в образовании местных народов, но и они не могли составить

конкуренции мусульманским учебным заведениям, где активно пропагандировались идеи ислама. На это указывал еще М. С. Воронцов, когда писал военному министру А. И. Чернышеву: «На 500000 душ мужского пола здешнего мусульманского населения, разделенного почти поровну на шиитов и суннитов, приходится 700 мечетей со школами и 3000 мулл, занимающихся как первоначальным, так и окончательным образованием мусульман...» [2, 127]

Эти и другие причины предопределили то обстоятельство, что проблемы начального образования горцев для кавказского руководства оказались в числе приоритетных. К их решению подталкивала и изменившаяся социально-политическая ситуация: утвердившиеся политические позиции России на Кавказе создавали предпосылки для мирного («гражданского») развития края, что ставило на повестку дня вопрос о подготовке специалистов среднего и низшего звена для местного хозяйства, административных учреждений, развивающейся городской инфраструктуры. Окончание Кавказской войны изменило социальную ориентацию школьного дела как одного из направлений внутренней политики правительства по отношению к Кавказу.

И в 60-е гг. XIX в. на Северном Кавказе начинается бурное развитие многих социальных институтов, в том числе и образования. С особенной интенсивностью эти процессы происходили в Терской области, где уже была подготовлена почва для формирования системы народного просвещения. Благодаря деятельности Общества восстановления православного христианства на Кавказе появились начальные учебные заведения для детей из низших сословий горцев. Для более обеспеченных слоев местного населения и детей из семей русских военных и гражданских чинов создавались специфические для российской образовательной системы учебные заведения — горские

школы, в которые могли попасть и мальчики «всех других свободных сословий без различия вероисповеданий» [3, 95].

Изначально эти учебные заведения создавались в качестве временных, предназначенных преимущественно для обеспечения начальным образованием детей из семей военных. Для горских школ в главном штабе Кавказской армии разработали проект особого устава, который был утвержден 20 октября 1859 г. [3, 94-102] Окружные (соответствующие уездным училищам) горские школы, состоявшие из четырех классов, возникли сначала во Владикавказе (1860), Нальчике (1860) ¹ и Темир-Хан-Шуре (1861). Несколькими годами позже появились трехклассные горские школы в Усть-Лаббе, кр. Грозной, в Сухуме [3, 94, 97; 5, 337], Майкопе (1866) ², Назрани (1868) ³, а также на Северо-Восточном Кавказе (Аварская, Кази-Кумухская, Акушино-Кайтагская, Табасарано-Кюринская). Все горские школы были поднадзорны местным окружным властям [3, 100] ⁴.

«Для того, чтобы разумным и нравственным воспитанием вкоренить в молодом поколении горского юношества истинные правила чести, долга, трудолюбия и порядка и чрез то приготовить их к той гражданственности, которая есть собственно главная цель их образования», при горских школах учреждались пансионы. Места в них распределялись между своекоштными воспитанниками и теми, кто постоянно содержался за казенный счет — это были дети «из лучших и знатнейших», либо «почетных» фамилий, «кабардинский князей и узденей», а также дети русских военных офицеров и гражданских чиновников [3, 97-98].

Выпускники горских школ могли быть зачислены без экзаменов в четвертый класс гимназий Кавказского наместничества (Ставропольскую и Тифлискую), получая таким образом общеобразовательную подготовку. Одним из таких талантливых пансионеров Владикавказ-

ской горской окружной школы, заслуживших право учиться в Ставропольской гимназии, оказался Бимболат (Бей-Булат) Датиев, в будущем — действительный статский советник (единственный из осетин), член Госсовета Российской империи, выдающийся инженер путей сообщения, теоретик и практик железнодорожного дела.

Горская окружная двухклассная школа во Владикавказе оставалась пока единственным казенным заведением в Осетии. Ее воспитанниками являлись преимущественно местные уроженцы [9, 316]. Однако весьма специфическое учебное учреждение, каким являлась горская школа, созданная в условиях военного времени и предназначенная для его нужд, не соответствовала ни одному из типов российских школ и не вписывалась в общую систему народного образования. Кроме того, реальные потребности края в грамотных специалистах заметно опережали существовавшие образовательные возможности. И, наконец, у высшего кавказского руководства были свои взгляды на будущность региональной системы народного просвещения. Во-первых, она должна была соответствовать общероссийской, а во-вторых — отвечать реальным хозяйственно-экономическим (рыночным) условиям края. Исходя из этих соображений, наместник Михаил Николаевич признал «полезным ввести в систему обучения горских мальчиков... занятие ремеслами и сельскохозяйственными работами» [1, 100]. Установки наместника определили пути дальнейшего развития начального образования для горцев в сторону его профессиональной специализации.

Ориентируясь на эти установки, начальник Терской области М. Т. Лорис-Меликов инициировал открытие во Владикавказе совершенно нового для области типа учебного заведения — реальной прогимназии, начавшей работу с 1 января 1868 г. В нее в полном составе перешла

Владикавказская горская школа, впрочем, сохранившая свою организацию в виде Владикавказского горского пансиона и подчиненность окружному управлению [10, 2, 3]⁵.

Все воспитанники пансиона считались приходящими учениками реальной прогимназии. В этом учебном заведении с четырехклассным курсом обучения более углубленно изучались естественные науки и математика. Лучшие казеннокоштные выпускники Владикавказской реальной прогимназии переводились в Ставропольскую классическую гимназию, при которой в 1866 г. было открыто реальное отделение для горцев. Абитуриентам следовало пройти вступительные испытания по латинскому языку, поэтому в прогимназии в частном порядке изучалась латынь [10, 6].

Реальная прогимназия во Владикавказе стала прообразом среднеспециального учебного заведения. Осетинские мальчики — ученики бывшей горской школы — обучались в ней за счет ОВПХ. Начальник Осетинского округа в своем отчете отмечал, что к 1869 г. во Владикавказской прогимназии обучалось 27 мальчиков «из осетин», на содержание которых Общество выделяло 2160 руб. в год [9, 321]. Через год после открытия Владикавказская прогимназия перешла из ведения Военного министерства под начало Министерства народного просвещения [12, 60], оставаясь единственным казенным общеобразовательным учебным заведением в Терской области и вторым (после Ставропольской гимназии) — на Северном Кавказе, где могло получать образование горское юношество.

Вскоре после открытия, с 1 января 1870 г., согласно высочайше утвержденному мнению Государственного совета, реальная прогимназия была преобразована в семиклассную реальную гимназию [13, 222-224]. Изменение статуса Владикавказской прогимназии и реорганизация ее в реальную гимназию означало

появление в Осетии первого среднего общеобразовательного учебного заведения.

В уже упомянутом отчете начальника Осетинского округа приведены сведения и о тех молодых людях, которые получали образование в высших и средних специальных заведениях России и Кавказа (Петровской академии сельского хозяйства, Техническом институте, Московской земледельческой школе и т.п.). И хотя число этих учащихся было невелико (к 1 января 1869 г. всего 18 человек [9, 322]), сам факт их обучения в учебных заведениях страны свидетельствует о заметных сдвигах в системе потребностей местного населения, в которой образование занимает все более устойчивые позиции. Успехи горского юношества были отмечены и высшим руководством Кавказского наместничества, подчеркивавшим, что «по успехам они, в общей массе, не отстают от русских мальчиков, и очень многие из них первенствуют, причем замечено, что настойчивостью в труде отличаются особенно уроженцы Дагестана и осетины» [1, 102].

Довольно быстро перечень высших учебных заведений, в которых учились молодые люди из Осетии, заметно расширился, а лучшие студенты удостоивались права на получение казенных стипендий. Так, например, в 1877 г. стипендии для студентов из Осетии распределялись следующим образом: «...в Санкт-Петербургский Технологический институт Иосифу Абациеву — 300 руб.; в Институт путей сообщения Давиду Гиоеву — 200 руб.; Бей-Булату Датиеву — 300 руб.; Казбеку Кусову — 200 руб.; в Горный институт Темирбулату Тулатову — 200 руб.» [14, 2-2об.].

Обучение началам ремесла, садоводству и сельскому хозяйству дополняло основной учебный курс при некоторых низших училищах Терской области — уездных, городских и горских. Они открывались на средства общественных организаций и частных лиц, а также за счет

казенных сумм городского или сельского общества. В некоторых горских школах (во Владикавказе, Нальчике, Грозном) работали столярно-токарные мастерские. Они содержались за счет средств, вырученных от продажи изделий, изготовленных учениками. Преподавателями в ремесленные отделения горских школ назначались выпускники Владикавказского ремесленного училища. Ученикам, окончившим ремесленный курс, выдавались специальные свидетельства.

Ремесленные курсы оказались востребованными, но объем преподаваемых там начальных знаний по ряду отраслей хозяйства учебным планом не регламентировался и в целом был недостаточен, чтобы дать ученикам профессию. Эти учебные заведения служили главным образом для того, чтобы дать ученикам элементарное образование, и лишь затем — привить практические навыки в различных видах ремесел и сельскохозяйственных занятий. Естественно, что одной из задач народного образования в регионе было расширение сети профессиональных училищ, ориентированных на подготовку специалистов низшего звена по разным отраслям местного хозяйства.

Введение в 1870 г. в Терской области гражданского управления в свою очередь обозначало новые задачи для всей системы народного просвещения. Расширение в области промышленного производства, товаризация сельского хозяйства, решение вопросов управления в новых социально-политических и экономических обстоятельствах, стремительные темпы урбанизации и, как следствие, бурное развитие ремесла и торговли, — все это нуждалось в соответствующих кадрах. Очень скоро в крае сформировалась настоятельная потребность в создании средней образовательной ступени, предназначенной для подготовки специалистов низшего звена, которые могли бы обеспечить экономическое развитие ре-

гиона в изменившихся условиях хозяйственной и политической жизни.

Отчасти этим задачам отвечала Владикавказская реальная прогимназия. Однако решения, принятые в правительственных верхах в самом начале 70-х гг. XIX в. относительно организации средней образовательной ступени, затормозили развитие кавказских прогимназий как средних общеобразовательных учебных заведений. Исходя из сугубо утилитарных соображений правительства, реальные прогимназии и гимназии преобразовывались в реальные училища, предназначенные для подготовки специалистов в торгово-промышленной сфере, а их выпускники теряли право поступления в университеты (см.: [15]). В высочайшем повелении на этот счет прямо указывалось: «1) не допускать окончивших курс в реальных училищах ни в один из факультетов университетов; 2) не превращать существующих классических гимназий в реальные училища... 5) ... классические гимназии и прогимназии наименовать... просто гимназиями...; 6) реальные гимназии оставить на прежнем основании, впредь до обсуждения Государственным советом проекта особого устава реальных училищ» [16, 525].

Устав реальных училищ ведомства Министерства народного просвещения появился уже в мае 1872 г. [17] и, по сути, открыл новую эпоху в истории русского среднего образования. В соответствии с документом, образование, которое предоставляли реальные училища, должно было быть приспособлено «к практическим потребностям и к приобретению технических познаний» [17, 626]. Исходя из указанной цели, преподавание общеобразовательных дисциплин велось параллельно со специальными предметами, причем по набору специальных курсов училища подразделялись на несколько групп. В училищах мог учреждаться высший дополнительный класс для подготовки учеников по разным на-

правлениям: общим (для поступления в высшие специальные училища), механико-техническим и химико-техническим.

Специальные министерские циркуляры от 31 июля и 7 августа 1872 г. разъясняли, что реальные училища должны рассматриваться как малые или средние «политехнические институты», создаваемые для пользы торговли и промышленности. И, поскольку реальные училища не должны были замыкаться на подготовке учеников к одной «промышленной» профессии, они сохраняли свой общеобразовательный характер [13, 807-808]⁶.

Новые правила в Кавказском учебном округе стали действовать с января 1872 г. 3 января 1872 г. Владикавказская реальная гимназия была преобразована в реальное училище с сохранением при нем горского пансиона. Несмотря на то, что училище имело всесловный характер, высокая плата за обучение закрывала в него доступ представителям низших сословий. К примеру, еще до реорганизации, во Владикавказской реальной гимназии в 1871 г. обучалось 280 учеников, из которых 222 были детьми чиновников и дворян, 10 человек — из духовного сословия, 44 — городских обывателей, 5 — сельских, 11 — «иностранноподданных». К концу 1890-х гг. число учеников в училище выросло почти до 400. Учебная программа училища была рассчитана на шесть основных классов, в каждом из которых было по три параллели (с 1897-98 уч. г. в 5-м классе появилась еще одна параллель) [18, LIV].

Даже несмотря на искусственно пониженный статус, Владикавказское реальное училище выполняло важную образовательную миссию, сыграв значительную роль в развитии народного образования не только в Осетии, но и на Северном Кавказе в целом. Оно давало своим ученикам прочные знания, особенно по естественным наукам. Неудивительно, что в училище стремились попасть дети из всех уголков Терской области. Уже к

1900 г. численность горцев в общем составе учащихся достигла 23,6%, и среди них были осетины, кабардинцы, балкарцы, чеченцы и др.

Проводившиеся в Кавказском учебном округе образовательные реформы регламентировались специально принятыми 22 ноября 1873 г. «Правилами о применении к учебным заведениям Кавказского учебного округа общих уставов гимназий, прогимназий и реальных училищ ведомства Министерства народного просвещения» [19], которые допускали ряд отступлений от основных положений. Например, в кавказских реальных училищах вводился дополнительный (седьмой) класс, а также планировалось открытие технических отделений для углубленной профессиональной подготовки выпускников. К примеру, при Владикавказском реальном училище должно было открыться механико-технологическое отделение [8, 82-83]. Но эта идея так и не была реализована: выпускники, окончившие общий училищный курс, стремились поступить в высшие специальные учебные заведения страны. В 1883 г., например, из 25 окончивших Владикавказское реальное училище 19 человек уехали учиться в Технологический институт, Петровскую сельскохозяйственную академию, Военно-Топографическое училище и т.п.

В соответствии с новыми правилами стало действовать и одно из первых в крае ремесленных училищ, открытое во Владикавказе 2 августа 1868 г. на средства городского общества и пожертвования частных лиц. Уже 12 октября того же года по высочайшему повелению, «во внимание к оказанной Начальником Терской области Генерал-Адъютантом Лорис-Меликовым особой заботливости к устройству и упрочению существования открытого в гор. Владикавказе ремесленного училища», оно было названо Лорис-Меликовским [13, 178-179]. В 1872 г. при училище был открыт пансион на 40 человек.

Городское общество ежегодно ассигновало на содержание училища по 1000 руб., а для занятий учеников огородничеством и садоводством отдало вблизи города 14 десятин земли. Сам Лорис-Меликов в марте 1873 г. пожертвовал училищу 20 тыс. руб. Тогда же Государственный совет постановил отпускать училищу ежегодное в течение пяти лет пособие в размере 3 тыс. руб., а с 1888 г. это пособие стало постоянным.

Широко известно, что видный общественный деятель Северного Кавказа Д. С. Кодзоков, бывший в то время председателем комиссии по разбору сословных прав горцев Кубанской и Терской областей, член-благотворитель Владикавказского ремесленного училища, передал этому учебному заведению в «вечное владение» земельный участок площадью более 8 дес., засаженный фруктовыми деревьями, а также сельскохозяйственные орудия стоимостью 4 тыс. руб. Известен также факт крупного пожертвования в размере 10 тыс. руб., сделанного в 1889 г. действительным статским советником, почетным смотрителем училища П. И. Харитоненко [20, 337], который передал деньги с условием, что основной капитал останется нетронутым, а проценты с него тратились бы исключительно на приобретение учебников и инструментов [18, LV].

20 мая 1886 г. было принято новое Положение, в соответствии с которым училище получило наименование «Владикавказское графа Лорис-Меликова ремесленное училище» (см.: [21]). Его учебная программа состояла из трехклассного общеобразовательного курса, который соотносился с программой казенных городских училищ, и дополнительного четвертого класса с двухлетним ремесленным образованием, соответствующим профилю двух отделений. Учеников знакомили со столярным, обойным, слесарным, токарным, кузнечным и литейным делом, резьбой по дереву и металлу, а также

прикладными предметами: техническим черчением, счетоводством и т.п. В училище регулярно проводились «беседы и чтения, касающиеся гигиены, естествознания, физики и материалов, употребляемых при занятиях ремеслами» [21, 225]. За хорошую учебу и отличное поведение выпускников поощряли денежными наградами, которые выдавались из доходов училища, получаемых при реализации изделий, изготовленных самими учениками [22, 208].

Наряду с горожанами, для которых, собственно, и предназначалось ремесленное училище, в нем обучались дети из семей казаков и нижних чинов: так, в 1890 г. из 72 учеников 29 происходили из этих социальных категорий, 18 — из других городских сословий, 14 — из крестьян и 10 — из дворян [23, 256]. К концу XIX в. в училище насчитывалось уже 87 учеников (65 пансионеров, 22 приходящих).

В 1876 г. в Кавказском учебном округе завершилось преобразование реальных гимназий в реальные училища в соответствии с уставом 1872 г. Уже к 1878 г. здесь на новых основаниях действовало 16 реальных училищ, часть из которых была преобразована из уездных, а часть — открыта силами городских и профессиональных обществ. В Терской области в первом десятилетии XX в. функционировало семь реальных училищ (во Владикавказе, Грозном, Нальчике, Моздоке, Георгиевске) и две низшие ремесленные школы (Грозненская и Пятигорская) [24, 45-47, 52], причем три реальных училища (1-е и 2-е Владикавказское⁷ и Лорис-Меликовское) находились во Владикавказе⁸. Училища содержались как на казенные средства, так и за счет взносов от городских и сельских обществ, платы за обучение, пожертвований отдельных лиц.

Для улучшения качества начального профессионального образования, более глубокого знакомства с техническими сведениями и овладения навыками ремесла и хозяйства в крае создавались

ремесленные и сельскохозяйственные школы, куда могли поступать мальчики не моложе 12 лет, уже окончившие курс городских, уездных и двухклассных начальных училищ, а также низших и средних классов гимназий, реальных училищ и духовных семинарий.

Таким образом, в 60-70-е гг. XIX в. среднее образование в системе кавказской школы эволюционировало по пути углубления профессиональной специализации, завершившегося преобразованием городских реальных гимназий в реальные училища, которые рассматривались в качестве фундамента средней ступени образовательной системы. В то же время государство очевидно не справлялось со всем комплексом образовательных задач в регионе, несмотря на возникший среди местного населения мощный социальный запрос на образование. Число действовавших школ совершенно не соответствовало образовательным потребностям края, хотя их удовлетворения требовали и государственные интересы. Несмотря на то, что регион остро нуждался в грамотных специалистах «промышленных профессий», низшее профессиональное образование (во Владикавказском Лорис-Меликовском и в Ставропольском ремесленном училищах) получал лишь 1% всего числа учащихся в городах Северного Кавказа [12, 83]. Но поскольку средства МНП не позволяли в полной мере удовлетворить образовательные запросы горожан, к устройству городских школ широко привлекались городские общества и сословия, что было предусмотрено ст. 3 Положения о городских училищах от 31 мая 1872 г. (см.: [25, 728]). Именно их силами и открывались в кавказских городах новые реальные, профессиональные и низшие начальные училища. По свидетельству инспектора Кавказского учебного округа Л. Н. Модзалевского, «заявления в этом отношении были получены не только из Ейска и Владикавказа, но также Шуши, Алексан-

дрополя и Темир-Хан-Шуры, принявших на себя устройство и отчасти содержание проектируемых реальных училищ» [12, 85]. Помимо низших начальных училищ в городах региона по инициативе самих обществ открывались низшие специальные училища: ремесленные, технические, агрономические. Они были либо самостоятельными учебными заведениями, либо возникали как дополнительные классы при уже существующих.

Частные пожертвования, благотворительные мероприятия в пользу учебных заведений, открытие школ на общественные средства, деятельность различных общественных организаций просветительской направленности — все это существенно дополняло меры, предпринимаемые государством и его институтами в области образования. Среди организаций, оказывающих поддержку учащимся владикавказских учебных заведений, своей масштабной деятельностью выделялись Общество вспомоществования учащимся в учебных заведениях г. Владикавказа и Общество распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области. Первое из них, образованное в 1880 г., ставило своей целью «оказывать материальное вспомоществование недостаточным учащимся в средних учебных заведениях г. Владикавказа», а при наличии достаточных средств Общество бралось помогать ученикам и других учебных заведений города, а также тем, кто собирался поступать в высшие учебные заведения страны [26, 104]. Среди получавших финансовую поддержку от Общества, были ученики классической гимназии, Владикавказской женской гимназии, реального училища, городского ремесленного училища и городских школ. Нередко адресная помощь оказывалась и слушателям высших учебных заведений — уроженцам Северного Кавказа [27, 210, 211].

Другая организация — Общество распространения образования и техни-

ческих сведений среди горцев Терской области — видела свою миссию еще более широко. Согласно уставу Общества, принятому в январе 1883 г., его цель заключалась в содействии школьному образованию среди горского населения области и распространении «между ними полезных технических и ремесленных знаний». Более того, Общество имело право открывать в горских обществах за свой счет начальные школы с обучением в них по программам, изданным Кавказским учебным округом для «туземных» школ Закавказского края. Параллельно общеобразовательному курсу в таких школах вводилось обучение ремеслам, а также чтению и письму на русском и родном языке. По мере увеличения средств Общество получало возможность открывать одно-, двух- и трехклассные школы по образцу «министерских» училищ в городах и селах области и подготовительные школы для поступления в средние учебные заведения [28, 176-177]. Почетным председателем Совета правления Общества являлся начальник Терской области, а начальники округов, в которых Общество открывало школы, считались их почетными попечителями.

Членами Общества были чиновники и учителя, купцы и военные — все те, кому была небезразлична судьба горских народов. Среди его организаторов был Алмахсид Кануков, ставший видным представителем осетинской интеллигенции, этнографом, юристом, автором осетинского букваря «Райдиан чиньг» и редактором первых, выходящих на осетинском языке, периодических изданий — журнала «Зонд» и газеты «Хабар». В 80-90-х гг. XIX в. в правление Общества входили лесной ревизор Ибрагим Шанаев, присяжный поверенный Джантемир Шанаев, межевой

ревизор Георгий Атабегов, один из первых осетинских этнографов Иналук Тхостов, прапорщик Гуцыр Шанаев, титулярный советник, известный общественный деятель Ибрагим Шанаев [29]; секретарем являлся учитель Савва Кокиев. Активно поддерживал деятельность Общества поэт и публицист Коста Хетагуров. А когда ему потребовалась помощь, то правление Общества объявило сбор средств в его пользу [14, 2-2об.].

Таким образом, в формировании системы народного просвещения в Осетии определяющую роль сыграли установки правительства и высшего кавказского руководства, обозначившие общие контуры и цели образования, предназначенного для местного населения. Однако заданные «сверху» ориентиры совпадали с потребностями самого общества, в среде которого вызрело понимание необходимости образования как наиболее действенного механизма, обеспечивающего адаптацию к изменившимся в пореформенные десятилетия социально-экономическим реалиям. Однако в условиях, когда государство не справлялось с задачами просвещения основной массы населения региона (как и страны в целом), существенную поддержку в развитии образования оказывала личная и общественная инициатива, благодаря которой отчасти разрешалось противоречие между возможностями региональной системы образования и образовательными потребностями местного населения. Специфику же образовательной системы в пореформенной Осетии составляла ее ориентация на профессиональное обучение, необходимость в котором диктовалась в первую очередь потребностями развития капитализирующейся экономики края.

Примечания:

1. Нальчикская горская школа в 1909 г. была преобразована в реальное училище [4, 13].

2. Майкопская горская школа в 1899 г. была преобразована в низшее механико-техническое училище [6, 411].

3. Вопрос об открытии одноклассных горских школ в укреплениях Назрань, Шатой, Ведено и Хасав-Юрт ставился начальником Терской области М. Т. Лорис-Меликовым еще в 1864 г. Среди предметов, предполагаемых к преподаванию в таких школах, значились русский и местные языки, арифметика и Закон божий как православного, так и мусульманского исповедания (см.: [7, 1-1об., 3]).

4. В программу обучения окружных горских школ входили русский язык, география, всеобщая история, математика, богослужебные предметы (в зависимости от вероисповедания учащихся), а также рисование и чистописание [7, 3]. Программа начальных школ была несколько упрощена за счет уменьшения количества и объема преподаваемых дисциплин. Языком преподавания в горских школах был русский, и обучение родному языку учебными планами не предусматривалось. Горские школы обеих ступеней содержались за казенный счет, а средства отпускались военным ведомством. Это были средства, ранее предназначавшиеся для обучения детей горцев в кадетских корпусах. Теперь же, в связи с изменившимися планами учебной администрации наместника, по указу от 11 октября 1858 г. прием кавказских уроженцев в кадетские корпуса был прекращен [8, 31].

5. К 1-му января 1869 г. во Владикавказском горском пансионе обучалось 167 мальчиков, среди которых почти половина (81 человек) была представлена горцами (68 осетин, 9 ингушей, 3 кумыка и 1 кабардинец). Из 75 русских учеников 28 происходили из казачьего сословия. Подавляющее большинство учеников пансиона происходили из дворянско-чиновничьей (76 человек) и горской социальной элиты (60 человек) [11, 11об.]. В ноябре 1874 г. горский пансион из ведения окружного управления перешел в подчинение училищного начальства.

6. Время показало, что принцип совмещения начального профессионального образования с общеобразовательным курсом оказался жизнеспособным, и выпускники реальных училищ могли продолжать обучение в высших специальных учебных заведениях Российской империи. Заметим кстати, что обучение в профессионально-технических училищах советского периода строилось именно на основе совмещения общеобразовательной и профессионально-технической подготовки.

7. Второе Владикавказское реальное училище появилось в 1902 г. Его самым известным выпускником стал И. А. Плиев, советский военачальник, дважды Герой Советского Союза. В этом же учебном заведении учился и С. Е. Бритаев — писатель, известный собиратель осетинского фольклора.

8. Кроме них, действовало также Моздокское трехклассное реальное училище, но в те годы город Моздок в административном отношении был причислен к Кабардинскому округу.

1. Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863-1869 гг. СПб., 1870.

2. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1885. Т. X.

3. Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе, 1942. Т. V.
4. *Кумыков Т. Х.* Культура и общественная мысль Кабарды первой половины XIX века. Нальчик, 1991.
5. *Кумыков Т. Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965.
6. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX — начало XX в. М., 1991.
7. Центральный государственный архив РСО-А (ЦГА РСО-А). Ф. 123. Оп. 1. Д. 28.
8. *Гатагова Л. С.* Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М., 1993.
9. Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сборник документов/Сост., вступ. ст., коммент. Е. И. Кобахидзе. Владикавказ, 2012.
10. Научный архив СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 67.
11. ЦГА РСО-А. Ф. 136. Оп. 1. Д. 17.
12. *Модзалевский Л.* Ход учебного дела в Кавказском крае с 1802 по 1880 год // Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. Тифлис, 1880. Отд. I. С. 3-96.
13. Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Первое пятилетие. 1867-1871. Тифлис, 1891.
14. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 2. Д. 164.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (ПСЗ-II). Т. LXVI. Отд. 2-е. № 49860. С. 85-99.
16. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902/Сост. С. В. Рождественский. СПб., 1902.
17. ПСЗ-II. Т. LXVII. Отд. 1-е. № 50834. С. 626-636.
18. Терский календарь на 1898 г. Владикавказ, 1897.
19. ПСЗ-II. Т. XLVIII. Отд. 2-е. № 52808. С. 524-526.
20. Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Пятое пятилетие. Ч. 1. 1887-1889. Тифлис, 1890.
21. ПСЗ-III. Т. VI. № 3719. С. 224-227.
22. Терский календарь на 1897 г. Владикавказ, 1996. Вып. 6.
23. Кавказский календарь на 1891 год. Тифлис, 1890.
24. Терский календарь на 1912 г. Владикавказ, 1911. Вып. 21. Отд. III.
25. ПСЗ-II. Т. XLVII. Отд. 1-е. № 50909. С. 727-736.
26. Терский календарь на 1894 г. В 2-х кн. Владикавказ, 1893. Вып. 3. Кн. 1. Отд. II.
27. *Туаева Б. В.* Особенности формирования северокавказского поликультурного общества в пореформенной России: народно-образовательный аспект // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-5. С. 207-213.
28. Терский календарь на 1891 г. В 2-х кн. Владикавказ, 1890. Кн. 1. Отд. III.
29. *Марзоев И. Т.* Общество по распространению образования и технических знаний среди горцев Терской области // Материалы международной юбилейной научной конференции «Россия и Кавказ» (Владикавказ, 6-7 октября 2009 г.). Владикавказ, 2009. С. 82-84.